

КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ БЛОКАДА И РОССИЯ (К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА)

Среди непосредственных причин Отечественной войны 1812 года в первую очередь, как правило, называются негативные последствия участия России в континентальной блокаде против Великобритании. После поражения русской армии под Фридрихсдорфом Александр I заключил с Наполеоном в Тильзите не только мирный, но и союзный договор, по условиям которого Россия должна была закрыть свои гавани для английских кораблей. Принято считать, что последствия разрыва торгово-экономических отношений с Англией оказались столь тяжелы, что Александр I, дабы спасти страну от катастрофы, должен был вскоре отказаться от соблюдения режима блокады, что и привело к войне.

Наиболее емко такое понимание причинно-следственных связей было сформулировано Ф. Энгельсом, который писал: «Россия могла получать деньги лишь посредством морской торговли и вывоза своего сырья на главный в то время рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой. Экономика оказалась сильнее дипломатии и царя вместе взятых; торговые отношения с Англией втихомолку были возобновлены, условия Тильзитского договора были нарушены и разразилась война 1812 года»ⁱ. На критическом рассмотрении положений этого утверждения мы и остановимся в настоящем докладе.

Отправной точкой в рассмотрении данной проблемы, как видим, является определение места Англии в российской внешней торговле.

К сожалению, представление о том, что Англия была чуть ли не единственным импортером российских товаров, стало чем-то вроде аксиомы. Если же обратиться к тем доказательствам, что имеются в отечественной литературе, то обнаружатся удивительные вещи. Так, например, в свое время А.В. Предтеченский посчитал, что «Россия в среднем ежегодно вывозила в Англию 73% всей экспортной пеньки первого сорта, 91% льна, 77% сала, 71% железа, 80% щетины, 42% пшеницы, 43% фламского полотна». Он же указал, что эти «цифры заимствованы из таблиц Ф.Г. Вирста, приложенных к его «Рассуждениям о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской Империи»ⁱⁱ. С тех пор так и гуляют эти цифры по страницам популярной литературы, всякий раз аккуратно сопровождаемые неизменной ссылкой на Вирстаⁱⁱⁱ.

Похоже, что никто так и не удосужился заглянуть в названную книгу. Ведь достаточно ее открыть, чтобы убедиться - все эти цифры относятся отнюдь не к общему экспорту из России. Таблица за номером 25, из которой они позаимствованы, озаглавлена: «Таблица о вывозной торговле из С.-Петербурга, в которой показано количество главнейших вывозных российских товаров, отправленных в разные земли в последние 6 лет, с 1801 по 1806 г., и вычислено, сколько процентов составляет количество каждого товара в сравнении всего шестилетнего вывоза». Речь, таким образом, идет об экспорте из одного только порта, хотя бы и крупнейшего. Более того, из той же таблицы следует, что в Англию за эти годы было вывезено поташу только 25,5% от общего его экспорта из Петербурга, канатов и веревок 5,3%, юфти 2,1%, парусины так и вовсе 0,7%. Но и это еще не все. В книге Вирста есть еще одна таблица, под №26, которая содержит аналогичные цифры по рижскому порту. Приведены они, правда, в шиффунтах и ладах и, возможно, поэтому практически не использовались в литературе. Впрочем, внимательный читатель легко найдет у Вирста данные для пересчета рижских мер в более привычные для нас пуды и четверти^{iv}.

Суммируя таким образом сведения по обоим портам, получим следующее. Если к пеньке первой руки, вывезенной из Петербурга в Англию в 1801-1806 гг., добавить ее вывоз из Риги, то доля Англии сократится с 73 до 69,2%. С учетом же вывоза пеньки других сортов доля Англии окажется и того меньше - 64,7%. Аналогичная картина складывается и со льном. Если из Петербурга в Англию льна первой руки было вывезено 91,25%, то с учетом экспорта из Риги доля Англии сократится до 67,9%, а с учетом льна второй руки - даже до 63,9%. Что касается экспорта пшеницы, то доля Англии в вывозе двух портов была также ниже и составляла 32,2%. И лишь по поташу доля Англии в экспорте его из обоих портов была такой

же, как из Петербурга.

Как видим, доля Англии в суммарном экспорте тех или иных товаров из Петербурга и Риги была, как правило, меньше, чем ее доля в экспорте этих же товаров из одного только Петербурга.

Вместе с тем следует иметь в виду, что собранные Вирстом данные относятся к показателям физического объема конкретных товаров. Их нельзя суммировать, а значит, нельзя определить и долю Англии в общем экспорте даже одного Петербурга. Для этого необходимо обратиться к стоимостным показателям, однако большинство отечественных авторов предпочитает судить о роли Англии, основываясь исключительно на данных по торговому мореплаванию. Так, например, В.И. Пичета находил, что о доминирующем значении английского рынка для отечественного экспорта вполне «можно судить по следующим данным: в 1803 г прибыло в Россию из Англии с грузом 319 судов, а без груза 993; отошло с грузом 1277, а без груза уже только 17»^v. Но сведений об общем числе судов он не дает, так что в действительности сделать вывод о доле Англии не представляется возможным. Впрочем, эти данные приводит М.Ф. Злотников, заимствуя их из труда А. Семенова, который подсчитал, что в 1802-1804 гг. в среднем в русские порты пришло и отошло из них 7530 судов вместимостью 575 803 лада (1 лад равен 2 т), в том числе английских судов было 2 100 вместимостью 217 503 лада. Таким образом, заключает Злотников, Англии «принадлежало 28,1% всех судов», а «вместимость английских судов составляла 37,7% всего тоннажа»^{vi}.

Надо заметить, что Злотников допускает здесь не только арифметическую ошибку (легко убедиться, что английских судов было 27,9% от их общего количества). Соглашаясь, что данные по торговому мореплаванию дают только лишь приблизительное представление об объемах торговли России с той или иной страной, он фактически на этом и останавливается. Но чтобы перейти от доли Англии в торговом мореплавании к ее участию в русской внешней торговле из расчета следует исключить корабли, которые либо приходили, либо уходили из русских портов без груза, так как они товаров не перевозили и во внешнеторговых оборотах, следовательно, участия не принимали. Если же учитывать только суда с грузом, то в 1802-1804 гг. ежегодно в российские порты приходило в среднем 1723 корабля водоизмещением 120 565 лад, из них английских было 314 водоизмещением 34 780 лад. А уходило 3684 корабля водоизмещением 289 030 лад, в том числе английских 1017 водоизмещением 104 369 лад^{vii}.

На долю Англии, таким образом, приходится 24,6% всех судов с грузом и 34% тоннажа таких судов. При этом надо иметь в виду, что какое-то число английских судов направлялось из России не домой, в Англию, а к портам других европейских государств. Так, по английским данным, всего в 1802-1804 гг. из России в Англию пришло 2719 английских судов водоизмещением 570 740 тонн^{viii}, в то время как по российским данным наши порты покинуло за эти годы 3127 английских судов, чей тоннаж составлял 320 074 лада^{ix}. Следовательно, около 13% всех английских судов, чей тоннаж составлял 10,8% от общего, обслуживали русскую внешнюю торговлю с другими странами. С другой стороны, иностранные суда, за исключением российских, в соответствии с Навигационным актом привозить российские товары в английские порты не имели права. Но лишь немногие купцы пользовались этой привилегией, отправляя товары в Англию на российских кораблях. В 1802-1804 гг. всего 58 «иностранных» (т.е. в данном случае российских) судов пришло в Англию из России^x.

Наконец, необходимо помнить, что торговля с Англией была исключительно морской, в то время как Россия вела также довольно значительную сухопутную торговлю. В указанные годы на долю морской торговли приходилось в среднем лишь 64% стоимости всего ежегодного импорта и 88% стоимости всего экспорта России за год^{xi}.

Таким образом, мы вновь сталкиваемся с необходимостью использовать стоимостные показатели. Удивительно, но когда речь заходит о Франции эти цифры тут же находятся. Упомянувшийся выше В.И. Пичета в качестве доказательства второстепенного значения для России торговли с этой страной приводит данные именно о стоимости французского экспорта в Россию и импорта из нее. «Первые годы царствования Александра, - пишет он, - были очень благоприятны для торговли с Францией, ввозившей в Россию на 1.606 тыс. руб. и получавшей из России сырья на сумму 1214 тыс. руб.»^{xii}. Как сравнивать корабли, числом которых он

характеризует торговлю с Англией, с рублями остается, правда, непонятно. Кроме того, приведенные В.И. Пичетой цифры не вполне совпадают с теми данными, которые содержатся в отчетах французской таможни. Переведя франки в рубли по текущему курсу, получим следующую картину (см. табл. 1)^{xiii}.

Таблица 1

Внешнеторговый оборот России и Франции, 1802-1806 гг.

Год	Валютный курс франков за 1 руб.	Вывоз из России		Ввоз в Россию		Сальдо, в руб.
		фр.	руб.	фр.	руб.	
1802	2,99	4 344 441	1 452 990	2 876 739	962 120	490 870
1803	3,40	10 577 280	3 110 965	3 753 924	1 104 095	2 006 869
1804	3,18	3 237 050	1 017 940	4283 351	1 346 966	- 329 025
1805	3,28	4 251 878	1 296 304	3 573 128	1 089 368	206 936

Как видим, в отличие от цифр, приведенных В. И. Пичетой, французская статистика свидетельствует, что вывоз российских товаров во Францию в основном превышал ввоз французских товаров в Россию.

Но если данные французской таможенной статистики еще известны отечественным авторам - Злотников приводит их для иллюстрации русско-французской торговли, то аналогичные сведения английской статистики упоминаются лишь вскользь. Тот же Злотников приводит единственно цифры за 1802 г., да и те со ссылкой на работу Гулишамбарова, а не на английские источники^{xiv}. Хотя официальные данные о торговле Великобританией с различными странами были опубликованы Джоном Макгрегором еще в 1850 г., в России только в 2005 г. была подготовлена диссертация, в которой они были, наконец, использованы при определении доли Англии в российской внешней торговле^{xv}.

Здесь есть одна тонкость. Если английская таможенная статистика считала стоимость экспорта и импорта по фиксированным ценам, сложившимся в начале XVIII в., то в российских таможнях стоимость экспорта и импорта определялась на основе текущих цен объявляемых купцами. Таким образом, английские данные, прежде всего об импорте из России, оказываются заниженными в той степени, в какой выросли за это время цены на товары. С другой стороны, даже в официальных «Видах государственной внешней торговли» отмечалось, что объявленные в таможне цены были на 15-20% ниже цен, означенных в биржевых прейскурантах. Исходя из этого можно предположить, что сведения о доле Англии в российском экспорте и импорте, полученные в результате прямого пересчета данных английской таможенной статистики по текущему курсу из фунтов стерлингов в рубли, окажутся не слишком далеки от истины (см. табл. 2)^{xvi}.

Таблица 2

Внешнеторговый оборот России и Англии, 1802-1807 гг.

Год	Валютный курс, пенсов за 1 руб.	Экспорт из России, в руб.	Импорт Англии из России, в фунт. ст.	Доля Англии в экспорте, в %	Импорт в Россию, в руб.	Экспорт Англии в Россию, в фунт. ст.	Доля Англии в импорте, в %
1802	30,33	63 277 759	2 182 430	27,3	56 530 095	1 281 555	17,9
1803	34,27	67 148 643	2335 219	24,4	55 558 125	1 260 032	15,9
1804	31,16	59 017 550	2 263 766	29,5	49 500 109	1 199 831	18,7
1805	31,57	72 430 189	2 527 078	26,5	55 529 118	1 508 056	20,6
1806	30,12	62 649 556	2 576 699	32,8	51 641 466	1 692 091	26,1
1807	25,57	53 564 901	2 569 484	45,0	40 403 662	1 699 512	39,5

Из таблицы видно, что в среднем в 1802-1804 гг., когда морская торговля в наименьшей степени была подвержена превратностям войны, на долю Англии приходилось 27% российского экспорта и 17,5% импорта. В дальнейшем, главным образом в связи с вытеснением из российской внешней торговли Голландии, чье побережье, как союзной с Францией страны, блокировалось англичанами, доля Англии несколько возросла.

Таким образом, можно считать, что в начале XIX в. на русско-английскую торговлю приходилось около 25-30% оборота российской внешней торговли. Между тем после разрыва

с Англией товарооборот упал в значительно большей степени. «Привозы и отпуски против 1807 года умалились, - отмечал в своем отчете за 1808 г. министр коммерции Н.П. Румянцев, - первые - слишком на 10 млн, а последние - на 20// млн руб. Весь сей упадок пал на балтийские порты, где привозы сократились на 20// млн, а отпуски - слишком на 30 млн руб.»^{xvii}. По сравнению со средним оборотом в 1802-1804 гг. общий оборот внешней торговли в 1808 г. снизился на 46%. И дело здесь не в том, что, как полагают некоторые исследователи, «на указанный период приходится война со Швецией и затяжные конфликты на юге России (с Турцией и Ираном)»^{xviii}. В действительности на торговлю с Ираном (который в те годы именовался Персией) приходилось менее 1% русской внешней торговли и война практически никак не отразилась на ее объемах. С Турцией же как раз в 1808 г. было заключено перемирие, что позволило увеличить обороты черноморской торговли на 8 млн руб. по сравнению с 1807 г., вернув их фактически на довоенный уровень. Что касается Швеции, на торговлю с которой в 1808 г. был распространен режим континентальной блокады, то прямая торговля с этой страной была значительно меньше той доли, которая приходилась на шведские корабли. По данным, приводимым Вирстом, в 1801-1806 гг. из С.-Петербургского порта отошло 470 судов под шведским флагом, в то же время к шведским портам направилось только 323 из них^{xix}. Более 30% шведских судов, следовательно, обслуживали русскую внешнюю торговлю с другими странами.

Причины столь значительного сокращения российской внешней торговли в 1808 г. следует искать в особенностях отечественного торгового мореплавания. Дело в том, что Россия практически не имела собственного торгового флота. Из всех судов, участвовавших в нашей морской торговле в 1802-1804 гг., российских было только 9,35% от общего числа, а их водоизмещение составляло 9,31% общего тоннажа.

Причем две трети судов под российским флагом участвовали в торговле на Черном и Азовском морях, на которую приходилось лишь 8,2% морской торговли России в указанные годы. На Балтике же, доля которой в морской торговле достигала 86%, участие российского флага в торговом мореплавании было значительно скромнее. Здесь российских судов было всего 3,45% от общего числа, а их водоизмещение составляло 3,15% общего тоннажа^{xx}. Россия, таким образом, полностью зависела в своей внешней торговле от иностранных судов.

Проблема, следовательно, была не столько в том, что разрыв с Англией лишил Россию рынка для сбыта своей продукции, сколько в том, что России не на чем было эту продукцию вывозить. Русский военно-морской флот оказался не в состоянии оказать хоть какую-то поддержку торговому мореплаванию. Напротив, английская эскадра под командованием Сумареса, выполняя постановления королевского совета (Orders in Council) от 11 ноября 1807 г. о запрете торговли с теми портами, куда не допускается английский флаг, надежно блокировала проходы в Балтийское море. В 1808 г. в российские порты на Балтике смогли прийти всего 369^{xxi} судов по сравнению с 2343 судами в 1807 г. и 3575 в 1806 г. Аналогичная картина имела место и в балтийских портах других стран. Так, в Любек, крупнейший на Балтике ганзейский порт, в 1808 г. пришло только 51 судно, тогда как в 1806 г. их было 1508^{xxii}. В то же время на других морях, в частности на Белом, положение было не столь критическим. Если в 1807 г. там значилось в приходе 193 судна, то в 1808 г. их число сократилось всего до 88, в результате стоимость экспорта снизилась всего на 1 млн руб. (или на 30%), а стоимость импорта даже выросла на 320 тыс. руб.^{xxiii}

Нельзя забывать и того, что в США 22 декабря 1807 г. был принят акт об эмбарго. Стремясь защитить свои торговые суда от нападений со стороны английского флота, американский конгресс в ответ на упомянутые выше решения английского королевского совета запретил своим кораблям покидать порты Соединенных Штатов. Между тем значение американских судов для российской внешней торговли к этому моменту значительно возросло. На фоне сокращения общего количества судов, пришедших в наши порты в 1807 г., число американских судов, наоборот, увеличилось с 78 до 91, так что их доля поднялась с 1,8% до 3,5% от общего числа. При этом доля американских судов в совокупном тоннаже увеличилась еще значительно, с 2,8% до 5,3%^{xxiv}. Однако эти цифры не в полной мере отражают ту роль, которую играли американские суда в вывозе товаров из России. Для того чтобы действительно оценить место, которое США сумели занять в условиях англо-французского противоборства в российской внешней торговле, обратимся к данным об экспорте товаров из С.-Петербурга на американских судах. Поскольку подавляющее

большинство американских судов приходило тогда в этот порт, то их вполне можно сравнить с цифрами общего экспорта этих товаров из России (см. табл. 3)^{xxv}.

**Объем экспорта товаров из С.-Петербургского порта,
вывезенных на американских судах, 1806-1807 гг.**

Год	Пенька		Железо		Канаты		Равендук		Парусина	
	экспорт в США, в пудах	доля в общем экспорте, в %	экспорт в США, в пудах	доля в общем экспорте, в %	экспорт в США, в пудах	доля в общем экспорте, в %	экспорт в США, в кусках	доля в общем экспорте, в %	экспорт в США, в кусках	доля в общем экспорте, в %
1806	383 304	11,5	423 780	18,8	13 510	8,8	21 592	18,3	21 386 37	45,0
1807	435 446	12,6	564 673	34,9	10 281	7,7	20 824	16,3	997	53,5

Всего американский импорт из России по некоторым оценкам составил 2,91 млн долл. в 1806 г. и 4,17 млн долл. в 1807 г.^{xxvi} Поскольку в американской таможенной статистике год заканчивался 30 сентября, то стоимость товаров, вывезенных из России еще в текущем году, но привезенных в американские порты после этого числа, включалась в стоимость американского импорта уже следующего года. Так что данные об импорте за 1808 г. (1,76 млн долл.) практически в полном объеме смело можно прибавлять к данным за 1807 г. При этом стоимость товаров, которые были вывезены из России в 1806 г., но оказались учтены в стоимости импорта за 1807 г., очевидно меньше этой цифры. Получается, что экспорт российских товаров в США составил в 1807 г. никак не менее 15% его общей стоимости.

Таким образом, отсутствие значительного числа американских судов в навигации 1808 г. весьма негативно сказалось на оборотах российской внешней торговли. Но не меньший ущерб был причинен и американской торговле. Поэтому 1 марта 1809 г. в США был принят новый закон, запрещающий американским судам торговать только с портами Англии и Франции. Так что американцы с 1809 г. вновь стали приходить в российские порты, причем на этот раз достаточно много их судов направлялось в Архангельск, так как на этом маршруте была меньшая опасность встретить английские военные корабли^{xxvii}.

Впрочем, и Англия, немало страдавшая от собственных строгостей, тоже предпочла отменить в 1809 г. блокаду Балтийского побережья, сосредоточившись на конвоировании торговых караванов.

В результате ситуация с торговым мореплаванием заметно улучшилась. Число кораблей пришедших в 1809 г. к нашим балтийским портам, возросло в 3,4 раза по сравнению с 1808 г. и составило 1229 судов^{xxviii}. Соответственно увеличились обороты внешней торговли. В отчете министра коммерции за 1809 г. отмечалось, что «наша торговля в сем 1809 году, как приметно, распорядилась и взяла свое направление». Стоимость импорта увеличилась на 14 млн руб., а стоимость экспорта возросла более чем на 32 млн руб., причем на Балтике «привозы умножились более, нежели на 7 ½ млн, а отпуска почти на 31 млн руб.»^{xxix}. Как видим, провал 1808 г. был фактически ликвидирован и объемы российской внешней торговли практически вернулись на уровень 1807 г., и Россия при этом не сделала каких-либо послаблений в соблюдении режима континентальной блокады.

Перейдем теперь к рассмотрению утверждения о том, что последствия участия России в континентальной блокаде были для нее невыносимы.

Самым очевидным следствием континентальной блокады стал рост цен на импортные, прежде всего колониальные, товары. Причем повышение цен началось фактически еще до того, как Россия формально присоединилась к блокаде. Так, московский генерал-губернатор Т.И.Тутолмин докладывал, что продававшийся в Москве сахар летом 1807 г. стоил «от 21 до 22, под осень постепенно возвысился до 28, по объявлении 3 ноября декларации о разрыве (с Англией. - Н.Т.) вдруг поднялся было до 38 руб. пуд.»^{xxx}. Очевидно, что этот скачек цен не был вызван какими-то объективными факторами. Снижение вексельных курсов в Москве составило к 31 октября 1807 г. на Лондон 16%, а на Гамбург 18%^{xxxi}, в то время как цена сахара здесь выросла на 30 %. Нельзя говорить и о недостатке предложения сахара. В навигацию 1807 г., которая к тому моменту уже фактически завершилась, его было привезено из-за границы 462,5 тыс. пуд., что на 17,5% превышало объем привоза в 1806 г.^{xxxii} Так что такое повышение цен было вызвано в первую очередь ожиданиями купцов, которые предполагали, что в навигацию 1808 г. сахара и других колониальных товаров будет

привезено значительно меньше нынешнего количества и цены на них неизбежно окажутся выше.

Насколько оправдались их ожидания судить сложно. Публикация статистических сборников «Государственная торговля в различных ее видах» за годы континентальной блокады не производилась, что в принципе можно было понять. Непонятно почему и сегодня подготовленные министром коммерции таблицы, по крайней мере за 1808 и 1809 гг., продолжают пылиться в архиве и почти не используются исследователями. Тем не менее из отчета Н.П. Румянцева следует, например, что в 1808 г. кофе было привезено на 573 тыс. руб. больше, чем в 1807 г.^{xxxiii}, а из ведомости о привозе главнейших иностранных товаров, опубликованной Г.П. Неболсиным, видно, что его привоз в 1808 г. составил 66 925 пудов против 37 010 в 1807 г.^{xxxiv} И все же цена кофе продолжала расти, поднявшись с 48 до 75 руб. за пуд или на 56,3%^{xxxv}, хотя вексельный курс рубля упал за это время только на 20,6%^{xxxvi}. Из чего следует, что рост цен на колониальные товары был вызван не столько участием России в континентальной блокаде, сколько общим повышением цен из-за роста стоимости морских перевозок, которое должно было компенсировать риски захвата корабля и груза английскими крейсерами или французскими каперами.

Нельзя согласиться и с тем, что это повышение цен было для бедных «равнозначуще голоду», как о том писала 25 августа 1808 г. вдовствующая императрица Мария Федоровна в своем знаменитом письме сыну Александру I^{xxxvii}. На самом деле ни мануфактурные, ни колониальные товары, поставки которых стали затруднены из-за разрыва с Англией, не являлись предметами первой необходимости. Даже сахар, не говоря уже о кофе, не вошел еще во всеобщее употребление.

Другое дело соль, на недостаток которой также указывала в своем письме вдовствующая императрица. Но единственным регионом, куда соль завозилась из-за границы, были прибалтийские губернии, тогда как все остальные получали соль из внутренних источников, которыми Россия вообще-то изобиловала. Так что проблема эта никак не могла быть всеобъемлющей. Более того, при рассмотрении проекта бюджета на 1811 г. Департамент государственной экономии обнаружил интересные факты^{xxxviii}. Завоз российской соли в прибалтийские губернии начался еще в 1807 г., когда ее было доставлено на 2114 тыс. руб. (Для сравнения, по Балтийскому морю в том же году было привезено соли на 1168,4 тыс. руб.) Всего же в 1807-1809 гг. завоз отечественной соли в прибалтийские губернии составил 5496 тыс. руб. Вот только продано из всего этого количества было не более 854 117 пуд. соли, что составляет по отпускной цене 40 коп. за пуд около 342 тыс. руб. Тем не менее в 1810 г. завоз российской соли был продолжен. И это при том, что, по сведениям Департамента государственной экономии, за это время «в остзейские губернии на нейтральных кораблях привезено знатное количество соли. Сама казна имеет там посредством конфискаций знатные запасы. По сухопутной границе, с прекращением войны с Австрией, открылся также привоз соли галицийской». В результате около 8 млн руб. оказалось заморожено в излишних запасах. Недостаток соли, таким образом, обернулся ее фактическим затовариванием.

Самое же интересное заключается в том, что правительство, по всей видимости, не было серьезно обеспокоено повышением цен, начавшимся вслед за разрывом отношений с Англией. В докладе правительственной комиссии, созданной 13 ноября 1807 г. по распоряжению Александра I специально для рассмотрения причин роста цен, говорится: «...из сих самых обстоятельств выйдет та польза, что высокие цены, прельщая промышленность в народе, заставят те же товарные статьи производить дома и посредством труда искать прибылей, теми товарами приносимых»^{xxxix}. И действительно, развитие сахарорафинадных и свеклосахарных заводов не заставило себя ждать, так что привоз в Россию сахара-рафинада в 1811 г. был даже запрещен, чтобы еще больше поддержать отечественную промышленность.

Вообще, надо признать, что представление о благотворном влиянии континентальной блокады на развитие отечественной промышленности было широко распространено в работах дореволюционных исследователей^{xl}, а также в первые годы советской власти. «Историк русского хозяйства, - писал М.Н. Покровский в своем труде "Русская история с древнейших времен", - никогда не забудет, что расцвет русского бумагопрядильного производства был создан именно Тильзитским миром»^{xli}. Однако в ходе «критики» исторической концепции М.Н. Покровского была сформулирована иная точка зрения, автором которой выступил А.В. Предтеченский. В своей статье он, опираясь преимущественно на данные отчетов московских

генерал-губернаторов, утверждал, что «непосредственная роль континентальной блокады в области промышленного развития России была совершенно ничтожной» и не могла компенсировать негативный эффект от потери английского рынка^{xliii}. И хотя в последующем М.К. Рожкова, используя ведомственную статистику Министерства внутренних дел, пришла к обратным выводам, опровергающим утверждения А.В. Предтеченского^{xliiii}, в отечественной историографии возобладало мнение о негативном влиянии континентальной блокады как на экономику в целом, так и на развитие промышленности в частности.

К сожалению, и в этом случае приходится признать, что данные промышленной статистики начала XIX в. изучены недостаточно, а второй том фундаментального труда М.Ф. Злотникова «Континентальная блокада в России», непосредственно посвященный вопросам влияния континентальной блокады на последующее промышленное развитие России^{xliv}, до сих пор не опубликован. Поэтому обратимся к свидетельствам современников, причем тех, кого нельзя заподозрить в симпатиях к русско-французскому союзу, лежавшему в основе участия России в континентальной блокаде.

Так, С.Н. Глинка в своих «Записках» вспоминает об одном разговоре с графом Ростопчиным, состоявшемся, по всей видимости, где-то в конце 1809 г. В этом разговоре Сергей Николаевич замечает, что «фабрики наши и мануфактуры оживились», и Ростопчин, соглашаясь с этим, также говорит о «суете теперешней промышленности»^{xlv}. Однако по странной логике А. В. Предтеченского простое упоминание об оживлении в промышленности, приходящемся на годы участия России в континентальной блокаде, не может рассматриваться в качестве доказательства, раз нет прямого указания на то, что это оживление было вызвано именно континентальной блокадой^{xlvi}. Хорошо, что современники оставили нам не только бытовые зарисовки, от которых нельзя требовать раскрытия причинно-следственных связей, но и более серьезные документы, основная цель написания которых как раз и состояла в том, чтобы указать на связь явлений. В одной из таких записок, подготовленной в первой половине 1810 г. анонимным автором, чьи политические взгляды, как отмечает публикатор записки, были близки позиции Карамзина и Ростопчина, отмечается, что торговля с Англией препятствует развитию многих отраслей отечественной промышленности. «Суконные фабрики никогда возникнуть не могли, - пишет неизвестный автор. - Забрапы, шелковые материи, холст, полотна и прочие ткани, которые едва стали размножаться, как и подавлены английским рукоделием. С трудом начали оправляться *по пресечению с ними торго* (курсив наш. - Н.Т.). Ситцевые и набойчатые фабрики ту же имели участь»^{xlvii}. Как видим, здесь уже прямо названа причина промышленного оживления - разрыв с Англией и присоединение к континентальной блокаде.

Другим очевидным следствием континентальной блокады стало уменьшение поступления доходов от таможенных пошлин, взимаемых с импортируемых и экспортируемых товаров, которые упали в 1808 г. на 42,6% по сравнению с 1807 г. Впрочем, в абсолютном выражении снижение это составило всего 4,1 млн руб.^{xlviii} - таможенные пошлины в России никогда не были существенной статьей доходов. Даже в 1803 г., когда они достигали максимальной величины в размере 13,1 млн руб.^{xlix}, на их

долю приходилось всего 12,9% обыкновенных доходов бюджета. Так что снижение таможенных поступлений, а также их недобор по сравнению с первоначальными предположениями, как это видно из отчетов об исполнении росписи государственных доходов и расходов, практически никак не сказывались на общем состоянии доходной части бюджета. Даже такое существенное сокращение таможенных доходов, как в 1808 г., было легко компенсировано ростом поступлений по другим статьям доходов (см. табл. 4). Другое дело, что практически все это сокращение пришлось на Петербург, где до присоединения России к континентальной блокаде собиралось больше половины таможенных пошлин¹.

Таблица 4

Государственные доходы и расходы России, 1805-1812 гг. (в руб.)

Год	Назначено по росписи		Действительно поступило		
	доходов всего	в том числе таможенных пошлин	назначенных по росписи	в том числе таможенных пошлин	из них в Петербурге
1805	102 405 616	12 096 159	100 791 211	11 927 293	6 085 222
1806	103 082 320	12 569 283	98 085 951	10 180 524	5 230 300

1807	117 377 147	10 943 376	109 412 926	9 626 309	4 982 461
1808	118 449 919	9 537 551	110 692 401	5 522 665	918 056
1809	121 741 700	6 000 000	117 525 491	8 428 504	2 277 908
1810	170 576 061	10 858 785	158 458 063	11 184 694	3 204 847
1811	232 953 204	10 867 455	215 041 512	15 828 532	5 562 332
1812	291 949 458	15 000 000	222 060 146	19 315 002	10 023 966

Поскольку доходы собирались по всей территории Российской империи, в то время как выдача назначенных министерствам денежных средств осуществлялась главным образом в Петербурге, Министерство финансов постоянно нуждалось в значительном количестве наличных денег для бесперебойного производства расходов. Поступление же здесь значительных сумм от таможенных сборов позволяло сглаживать кассовые разрывы, неизбежно возникающие в ходе исполнения бюджета. Лишившись этой возможности, управлявший Министерством финансов Ф.А. Голубцов и впрямь оказался в довольно-таки затруднительном положении. Но эти трудности все-таки имели чисто технический характер: когда ожидавшиеся из губерний «подводы с доходами» задерживались, Ф.А. Голубцову просто чаще приходилось прибегать к «позаимствованиям» денег из касс государственных кредитных учреждений.

Таким образом, ущерб, причиненный континентальной блокадой доходам бюджета, фактически никак не сказался на их общем уровне.

Посмотрим, каким он оказался для купечества и крестьянства. О том, насколько тяжело отразилась континентальная блокада на их состоянии вполне можно судить на основании сведений о величине недоимок по обязательным платежам в бюджет. К сожалению, у нас нет непрерывного ряда данных о динамике недоимок за эти годы. Подробные цифры появляются лишь начиная с отчета об исполнении бюджета за 1809 г. Однако Департамент государственной экономии, специально изучавший вопрос о взыскании недоимок в 1806-1809 гг., отмечал лишь, что «недоимки возрастают ежегодно... каждый год они умножаются почти на 2 000 000 р.»^{li}. Иначе говоря, никакого скачка в увеличении недоимок в 1808 г. Департамент не обнаружил, хотя его логично было предположить, если бы участие в континентальной блокаде несло России разорение.

К началу 1809 г. в недоимках на купечестве числилось 80,9 тыс. руб.^{lii} За год они возросли на 181 тыс. руб., достигнув без малого 262 тыс. руб. на начало 1810 г., что составило 8,2% от уплаченных купцами в 1809 г. налогов. Оценивая эти цифры, не будем забывать, что с 1808 г. был увеличен размер капиталов, который надлежало ежегодно объявлять для записи по гильдиям. В результате уплачиваемые купцами налоги в среднем выросли в 3 раза! В 1810 г. налоги на купечество были вновь повышены, на этот раз на 40%. Зато и недоимки за этот год увеличились уже на 337 тыс. руб. и составили почти 599 тыс. руб., или 11,9% от суммы уплаченных налогов. Однако уже в следующем году купечество практически адаптировалось к новым налогам и даже смогло найти средства для погашения задолженности на 339,8 тыс. руб., так что в недоимках к началу 1812 г. состояло только 259,3 тыс. руб. По отношению к сумме уплаченных налогов доля недоимок сократилась до 5,7%. В феврале 1812 г. налоги на купечество были повышены в третий раз, теперь в 2,7 раза. Всего же за годы участия России в континентальной блокаде налоги с купечества выросли от 9,5 раз для купцов 2-й гильдии до 15,2 раз для купцов 3-й гильдии. Купец 1-й гильдии, принадлежность к которой давала право осуществлять внешнюю торговлю, плативший в 1807 г. налогов всего 200 руб., в 1812 г. должен был заплатить уже 2 375 руб. Трудно объяснить эти решения правительства, если предполагать, что купечество в своей массе в эти годы несло исключительно убытки.

Что касается крестьянства, то в 1809 г. недоимки с помещичьих крестьян увеличились на 181,2 тыс. руб., в то время как государственные крестьяне смогли сократить задолженность по недоимкам на 47,4 тыс. руб. Повышение налогов в 1810 г. вызвало естественное увеличение недоимок. Причем рост недоимок с государственных крестьян, налоги на которых увеличились на 53%, почти в 2 раза превысил увеличение недоимок с помещичьих крестьян и дворовых, для которых налоги возросли только на 37%. Надо полагать, что меньший рост налогов на помещичьих крестьян давал возможность дворянству увеличить на разницу взимаемый с крестьян оброк. Как бы там ни было, но в 1811 г. как государственные, так и помещичьи крестьяне смогли выплатить часть недоимок, так что к началу 1812 г. недоимки с помещичьих крестьян были даже меньше, чем на начало 1809 г. (2168,5 тыс. руб. против 2206,2 тыс. руб.). В то же время увеличение недоимок с государственных крестьян за тот же период (до 3617,7 тыс. руб. по сравнению с 2649,6 тыс. руб.) пришлось на 1810 г. и, значит,

может быть объяснено повышением налогов.

Таким образом, динамика недоимок свидетельствует, что основные податные сословия в целом не только сохранили свою платежеспособность, но даже смогли выплачивать повышенные налоги. Чтобы объемнее представлять себе вышеприведенные цифры, сравним их с данными о недоимках за 1812 г. К началу 1813 г. недоимки с купечества достигли 2971,2 тыс. руб., увеличившись за год в 11,5 раз! В недоимках числилось более четверти от собираемых с купцов налогов. Не менее сильно пострадало и крестьянство, чьи недоимки выросли до 41,7 млн руб., из них 69,4% приходилось на долю государственных крестьян. Более того, в последующие два года недоимки продолжали нарастать, так что правительству в конце концов пришлось пойти на их частичное списание.

Как видим ущерб, нанесенный Отечественной войной, не идет ни в какое сравнение с теми потерями, которые могло причинить участие России в континентальной блокаде. По общему мнению, она должна была разорять купечество, потому что ему некуда стало сбывать пеньку и железо, что, в свою очередь, должно было привести к краху промышленности и разорению крестьянства, лишавшегося возможности реализовывать плоды своего труда. Правительство, надо признать, всерьез опасалось такого развития событий, о чем свидетельствует журнал заседания Комитета министров от 4 сентября 1808 г. Чтобы как-то сгладить проблему министр внутренних дел даже предлагал увеличить объем средств, выделенных учетным конторам при Ассигнационном банке, дабы «удовлетворять требования купцов о ссудах... до времени восстановления продажи товаров, под залог коих самые ссуды будут чиниться»^{liii}.

Действительность, однако, опровергла предположения правительства. Данные об оборотах учетных контор (см. табл. 5) свидетельствуют, что никакого роста подтоварных ссуд в 1808 г. не произошло, зато резко выросли ссуды, выдаваемые под учет векселей^{liv}.

Таблица 5

Финансовые обороты учетных контор России, 1801-1812 гг. (в руб.)

Год	Выдано под учет векселей	Выдано под залог товаров	Год	Выдано под учет векселей	Выдано под залог товаров
1801	1 205 000	2 741 148	1807	10 152 607	5 129 035
1802	2 633 000	2 603 521	1808	16 422 263	4 445 126
1803	2 532 500	1 881 580	1809	17 326 561	5 752 688
1804	4 886 500	2 836 752	1810	16 767 811	9 871 374
1805	6 444 200	4 424 407	1811	7 635 212	11 788 790
1806	7 088 229	4 116 360	1812	7 406 469	12 212 964

Между тем природа векселя такова, что он появляется лишь в момент реализации товара. Продав свой товар, купец получал в уплату за него вексель, платеж по которому производился, как правило, через определенный срок. Он мог дождаться этого срока, а мог учесть вексель в банке и получить деньги раньше срока, уплатив за это банку установленный процент. Чем активнее шла торговля, тем чаще прибегали купцы к учету, ведь крестьяне продавали свои продукты за наличные деньги. Приведенные цифры, таким образом, свидетельствуют о том, что вопреки общим представлениям торговые обороты не только не сократились в 1808 г., но даже возросли. Произошло это, главным образом, за счет активизации сначала внутренней, а затем и посреднической торговли, к которой Россия приобщилась в годы континентальной блокады. Лишь с конца 1810 г., когда действительный экономический кризис, охвативший Англию и Францию, распространился и на Россию, и купцы на самом деле стали испытывать трудности с реализацией закупленных товаров, вот тогда только увеличились объемы подтоварных ссуд. Соответственно снизилась доля ссуд, выданных под учет векселей. Аналогичная картина имела место в 1812 г., когда нормальное течение торговли было нарушено вторжением французской армии.

Таким образом, нет объективных оснований утверждать, что континентальная блокада была невыносима. Об этом же свидетельствует и мнение, высказанное в журнале заседания Департамента государственной экономии от 8 сентября 1810 г. Признавая, что стеснение морской торговли неизбежно приносит вред экономике, Департамент находил, что «Россия более несет вреда от превратного выполнения континентальной системы, нежели от самого

принятия системы сей»^{iv}.

Впрочем, значение имеет не столько объективное состояние экономики, сколько сложившееся об этом состоянии общественное мнение. А оно было очевидно негативным, как об этом свидетельствует уже упоминавшееся письмо Марии Федоровны. Но современники, по мнению В. И. Пичеты, оценивая влияние континентальной блокады, ориентировались не на реальное состояние экономики, а руководствовались скорее своими личными симпатиями и антипатиями^{vi}, которые не могли быть в своем большинстве на стороне Наполеона. Неприятие политического союза с человеком, в представлении основной массы дворянства ассоциировавшемся с новым Пугачевым, вкупе с национальной гордостью, оскорбленной двумя поражениями, которые он нанес русским под Аустерлицем и при Фридрихсберге, не давали возможности справедливо определить последствия континентальной блокады для России.

В пользу такого вывода свидетельствует следующий факт. Спустя 10-12 лет, когда отношение общественного мнения к континентальной блокаде лишилось былой политизированности, анонимный московский коммерсант в своем рассуждении, названном им, между прочим, патриотическим, уже защищал эту систему как способствовавшую развитию отечественной промышленности и противопоставлял навязываемой извне свободе торговли, которая вела российскую торговлю и промышленность к упадку^{lvii}. И правительство должно было согласиться с этим выводом, вернувшись после нескольких лет экспериментов к политике протекционизма, в которой многие усмотрели знакомые черты. Так, известный публицист О. А. Пржецлавский, описывая политику, проводимую с 1823 г. новым министром финансов Е.Ф. Канкриным, заметил, что «для международных торговых отношений России с Европой возобновлялась отчасти злополучная континентальная система, от которой Россия навсегда, казалось, освободилась дороною ценою отечественной войны»^{lviii}.

Остается выяснить, действительно ли «экономика оказалась сильнее» Александра I. Как относился он к общественному мнению, считавшему, что континентальная блокада разоряет Россию? Трудно найти однозначный ответ на этот вопрос - Александр I едва ли когда был искренним со своими собеседниками. Даже такой неплохо осведомленный современник, как английский генерал сэра Р. Вильсон, сомневался, что на самом деле имело место - «неспособность или нежелание Александра ограничить английскую торговлю в обещанных им размерах»^{lix}. Представляется все же, что решение политических задач Александр I ставил выше экономических соображений. В своем ответе на уже упоминавшееся письмо матери Александр I по пунктам отвергает все ее обвинения, но вопроса о внутреннем положении страны не касается вовсе. Тем не менее он весьма многозначительно говорит о возможности «некоторое время дышать свободно и увеличивать в течение этого столь драгоценного времени наши средства, наши силы»^{lx}.

Трудно поверить, чтобы Александр I мог настолько игнорировать объективные обстоятельства, что собирался накапливать силы и средства в условиях, когда экономика страны разрушается континентальной блокадой. Остается предположить, что континентальная блокада была для него скорее поводом, чем действительной причиной для разрыва с Наполеоном.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 29-30.

ⁱⁱ Предтеченский А.В. К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности в России // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. Л., 1931. № 8. С. 894-895, примеч. 1.

ⁱⁱⁱ См. напр.: Фролов Б.П. «Да, были люди в наше время...»: Отечеств. война 1812 года и Загран. походы рус. армии. М., 2005. С. 60-61.

^{iv} Вирст Ф.Г. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерциею Российской империи... СПб., 1807. С. LXXII.

^v Пичета В.И. Причины Отечественной войны: Ист. очерк. М., 1912. С. 31.

^{vi} Злотников М.Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л., 1966. С. 28-29.

^{vii} Посчитано по: Государственная торговля в разных ея видах за 1802-1807 гг. СПб., 1802-1807. Таблица «Вид торгового мореходства».

^{viii} A digest of all the accounts relating to the population, production, revenues, financial operations, manufactures, shipping, colonies, commerce... / Arranged by J. Marshall. L., 1834. Part 2. P. 223.

- ^{ix} Государственная торговля в разных ее видах... Таблица «Вид торгового мореходства».
- ^x A digest of all the accounts... P. 223.
- ^{xi} Государственная торговля в разных ее видах... Таблица «Вид государственной торговли привозной, отпускной и транзитной при всех портах и сухопутных границах производимой».
- ^{xii} Пичета В.И. Хозяйство в России в начале XIX в. // Отечественная война и русское общество. Т. 2 // URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/> http://www.museum.ru/museum/1812/Library/sitin/book2_10.html [10.05.2011].
- ^{xiii} Statistique de la France: Commerce exterieur. P., 1838. P. 6. Курс рассчитан на основании данных о Санкт-Петербургском вексельном курсе, опубликованных в сб.: «Государственная торговля в разных ее видах» за соответствующий год.
- ^{xiv} Злотников М.Ф. Указ. соч. С. 24-25.
- ^{xv} Васильева С.Л. Англо-русские экономические отношения в условиях континентальной блокады, 1806-1812 гг.: Дис... канд. ист. наук. Рязань, 2005.
- ^{xvi} Macgregor J. Commercial Statistics. L., 1850. Vol. V. Supplement. P. 94; «Государственная торговля в разных ее видах» за соответствующий год. Таблица «Вид какими именно товарами производилась торговля при всех российских портах и сухопутных границах». Курс рассчитан на основании данных о Санкт-Петербургском вексельном курсе.
- ^{xvii} Внешняя политика России XIX и начала XX в. М., 1962. Сер. 1. Т. 4. С. 448. (Далее - ВПР).
- ^{xviii} См. напр.: Васильева С.Л. Англо-русские экономические отношения в начале XIX в. 1797-1812: обзор и анализ стат. материалов // Ист. науки. 2005. № 4. С. 73.
- ^{xix} Вирст Ф.Г. Указ. соч. Табл. 28.
- ^{xx} Посчитано по: Государственная торговля в разных ее видах... Таблицы «Вид торгового мореходства», «Вид государственной торговли привозной, отпускной и транзитной при всех портах и сухопутных границах производимой».
- ^{xxi} Моск. ведомости. 1809. № 8. 27 янв.
- ^{xxii} Lübecker Franzosenzeit // URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Lübecker_Franzosenzeit [10.05.2011].
- ^{xxiii} ВПР. Т. 4. С. 448.
- ^{xxiv} Посчитано по: Государственная торговля в разных ее видах... Таблица «Вид торгового мореходства».
- ^{xxv} Данные об американском экспорте из С.-Петербурга взяты из сборника документов: Россия и СЕТА: становление отношений, 1765-1815. М., 1980. С. 682. Цифры общего экспорта см.: Государственная торговля в разных ее видах... Таблица «Вид какими именно товарами производилась торговля при всех российских портах и сухопутных границах».
- ^{xxvi} Girnias S.A. Russia and the Continental Blockade: Unpublished PhD Thesis. Chicago, 1981. P. 286.
- ^{xxvii} Подр. см.: Crosby A.W. America, Russia, Hemp and Napoleon: American trade with Russia and the Baltic, 1783-1812. Columbus, 1965; Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений, 1775-1815. М., 1966.
- ^{xxviii} Санкт-Петербургские коммерческие ведомости. 1810. № 5.
- ^{xxix} ВПР. Т. 5. С. 558.
- ^{xxx} Там же. Т. 4. С. 113.
- ^{xxxi} Посчитано на основании данных о вексельном курсе в Москве, публиковавшихся в «Московских ведомостях».
- ^{xxxii} См.: Государственная торговля в разных ее видах... Таблица «Вид какими именно товарами производилась торговля при всех российских портах и сухопутных границах».
- ^{xxxiii} ВПР. Т. 4. С. 448.
- ^{xxxiv} Неболсин Г.П. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Прил.
- ^{xxxv} Данные С.-Петербургского преysкураанта, см.: Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 51.
- ^{xxxvi} Посчитано на основании данных о вексельном курсе в Петербурге, опубликованных в «С.-Петербургских ведомостях».
- ^{xxxvii} Рус. старина. 1899. Кн. 4. С. 10.
- ^{xxxviii} Архив Государственного совета. Т. 4: Журналы департамента гос. экономии. СПб., 1881. Ч. 1. Стб. 73-74. (Далее - АГС).
- ^{xxxix} ВПР. Т. 4. С. 114.
- ^{xl} См.: Пичета В.И. Причины Отечественной войны. С. 37; Карцов Ю., Военский К. Указ. соч. С. 58.
- ^{xli} Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. М.; Л., 1933. Т. 3. С. 176-177.
- ^{xlii} Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 918-920.

-
- ^{xliii} Рожкова М. Промышленность Москвы в первой четверти XIX в. // Вопр. истории. 1946. № 11/12. С. 95-97.
- ^{xliv} Злотников М.Ф. Указ. соч. С. 5.
- ^{xlv} Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 302.
- ^{xlvi} Предтеченский А.В. Указ. соч. С. 910-911.
- ^{xlvii} Записка о финансах, политике и торговле российского государства в 1810 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 4 (смесь). С. 145.
- ^{xlviii} Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1885. Т. 45. С. 411. (Далее - Сб. РИО).
- ^{xlix} Карцов Ю., Военский К. Указ. соч. С. 44.
- ¹ Сб. РИО. Т. 45 (см. данные росписей и отчетов за соответствующие годы); *Mc Cullough J.R. A Dictionary: Practical, Theoretical and Historical of Commerce and Commercial Navigation. Philadelphia, 1852. Vol. 2. P. 291* (см. данные о таможенных пошлинах, собранных в Петербурге).
- ⁱⁱ АГС. Т. 4: Журналы департамента государственной экономии. Ч. 1. Стб. 79.
- ⁱⁱⁱ Здесь и далее см.: Сб. РИО. Т. 45 (отчеты за соответствующие годы).
- ⁱⁱⁱⁱ Журналы Комитета министров. СПб., 1888. Т. 1. С. 154.
- ^{lv} Морозан В.В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII - первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 273.
- ^{lv} АГС. Т. 4. Журналы департамента государственной экономии. Ч. 1. Стб. 36.
- ^{lvi} Пичета В.И. Причины Отечественной войны. С. 35.
- ^{lvii} Штейнгель В.И. Соч. и письма. Т. 2: Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 151.
- ^{lviii} Поляки в Петербурге в первой половине XIX века. М., 2010. С. 235.
- ^{lix} Вильсон Р. Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 году. М., 2008. С. 54.
- ^{lx} Рус. старина. 1899. Кн. 4. С. 20.